

КАЛАКОБА: ТОРЖЕСТВО РЫНКА

Ерванд Маргарян

Институт гуманитарных наук Российско-Армянского университета, Ереван

Abstract

The market was the quintessence of Tiflis. The life of the city was built around it. It was not so much the Georgian Royal court or the administration of the Russian provincial authorities that determined the face of Tiflis, but the market. Therefore, the market is the main character of our article. It left an indelible imprint on the mentality of the citizens inextricably linked with the market, those who lived around it and thanks to it. The market determined the fate of the city, its history and culture.

Keywords: *Tiflis, Market, Armenian Bazaar, Tatar Mайдan, Dukhans, Kinto, Karachokheli, Mushi, Thieves, Beggars*

Аннотация

Рынок – квинтэссенция Тифлиса. Вокруг него строилась жизнь города. Не столько грузинский царский двор или администрация русских губернских властей определяли лицо Тифлиса, сколько рынок. Поэтому рынок – герой нашей статьи. Он наложил неизгладимый отпечаток на менталитет горожан, неразрывно связанных с ним, жившим вокруг него и благодаря ему, определил судьбы города, его историю и культуру.

Ключевые слова: *Тифлис, рынок, Армянский базар, Татарский Майдан, духаны, кинто, карачохели, муши, воры, нищие*

*“Выгодно купить, выгодно продать,
чтоб поменьше дать и побольше взять”.*

А. Цагарели

“Между *материальной жизнью* (в смысле самой элементарной экономики) и экономической жизнью располагается поверхность (их) контакта. Это не сплошная плоскость, контакт реализуется в тысячах неприметных точек – рынках, ремесленных мастерских, лавках... Такие точки суть одновременно и точки разрыва: по одну сторону лежит экономическая жизнь с ее обменов, деньгами, с ее узловыми точками и средствами более высокого уровня – торговыми городами, биржами и ярмарками, по другую – *материальная жизнь*, неэкономика, живущая под знаком неотвязно ее преследующей самодостаточности” (Бродель 1988: 5). Характерная деталь – в грузинском языке *калакоба* означает *торжище* (Асагуян 1979: 543), *ярмарка*, в наши дни так называется *городской праздник*, что свидетельствует о тождестве двух таких понятий, как *город и торговое место (рынок)*. И действительно, рынок – квинтэссенция старого Тифлиса, социальное пространство, где встречались материальная жизнь и неэкономика. Не случайно, большинство путешественников начинало свое знакомство с городом

именно с рынка – сердца Тифлиса. Именно здесь, на рынке, ежедневно и ежечасно разыгрывалась драма городской жизни. Именно здесь ощутимее, чем где-либо, можно было проследить изменения, происходящие в городе на всех уровнях человеческого бытия.

Начнем с армянского базара¹ (совр. *Шуа базари*), который, как и Татарский майдан, сформировался еще в средние века. Он представлял собой два параллельных ряда кирпичных, одноярусных лавок высотой в 2–3 метра, возвышающихся едва на полметра от земли; внутри они были поперечно перегорожены на две половины – переднюю, где выставлялись образцы предлагаемого товара, со стоящим над ним торговцем, и заднюю, где размещался основной товар.² На ночь лавки запирались деревянными щитами. Хозяева ревностно оберегали свои лавки и как могли продлевали их существование. Порой казалось, вот-вот рухнет от ветхости одна из них, но рачительный хозяин подпирал и укреплял ее самыми невероятными способами.³

В верхней части базара преобладали фруктовые лавки, в которых, вперемежку со свежими и сушеными фруктами и грудями овощей, разными сортами орехов и фисташек, душистой зеленью, можно было встретить подвешенные графины с маслом (Бакрадзе/Берзенов 1870: 108-109). Армянский базар состоял не только из продовольственных лавок. Он, к тому же, был нагромождением целого ряда мастерских, где работали ремесленники разных специальностей – серебряных дел мастера, кожевенники, цирюльники, булочники, духанщики и т. д. Названия улиц красноречивы – Грязная, Угольная, Серебряный ряд, Ватный ряд, Башмачный ряд, Винный ряд, Обжорная, Темный ряд, Гостиный ряд (бродя по этим экзотическим улочкам современного Тбилиси, давно переименованных в честь новых героев Грузии, с сожалением вдруг обнаруживаешь, что новые жильцы и не подозревают о том, как назывались улицы, переулки и тупики прежде и что они имеют свою историю, из которой складывается биография города).

Столь плотное и компактное расположение мастеровых людей, занимающихся одной или смежными специальностями, объясняется тем, что территория данного ряда

¹ Д. Бакрадзе и Н. Бердзенишвили не без основания считают, что “Армянский базар правильнее было бы назвать персидским”. Замечание справедливо, но не потому, что там торговали персы (в XIX–XX вв. здесь уже невозможно было встретить ни единого перса), а потому, что подобные базары можно было встретить в Исфахане, Тавризе, Герате и других городах Востока (Бакрадзе/Берзенов 1870: 104).

² Александр Негри, советник русского посольства, в своих дневниках (1816–1817 гг.), отмечал: “Тифлис – резиденция главноначальствующего грузинских областей и всех прилегающих к ним стран... Число его жителей свыше 20000. Из двух тысяч находящихся в нем домов едва лишь 150 или 200 грузинских; все остальные принадлежат армянам. Базар этого города состоит из свыше тысячи деревянных лавок; это складочное место товаров персидских, турецких и русских и местных произведений. Наиболее крупные торговые операции совершают армяне; только среди них и встречаются наиболее зажиточные” (см. соответствующую статью в Википедии).

³ Сегодня почти весь старый Авлабар разрушается, но авлабарцы, подобно своим предкам, умудряются подпирать свои неказистые лавчонки и двухэтажные жилые дома металлическими, а порой и деревянными (!!!) подпорами, а разваливающиеся, почти разрушенные стены латать, укрывая трещины, выбоины и щели полиэтиленовыми полотнищами, подбитыми деревянными рейками.

полностью или почти полностью находилась под контролем того или иного амкарства – цехового братства. Так, весь Серебряный переулок, наискось тянущийся от армянского базара, был в ведении серебряных дел мастеров (кстати, “серебряки”, изготовлявшие из серебра разноцветные женские украшения и предметы быта, а также “золотых дел мастера”, “оружейных дел мастера” и сабельники, в Тифлисе относились к особой кастовой группе ремесленников). Александр Дюма, побывавший в Тифлисе в конце 50-х годов XIX столетия, писал: “Каждая такая улица имеет как бы свою специальность. Не знаю, как эти улицы называются в Тифлисе, да и имеют ли они названия, но я назвал бы их порознь улицей серебряников, улицей скорняков, улицей оружейников, овощников, медников, портных, сапожников, мастеров по изготовлению папах и туфель” (Дюма 1988: 168).

Цеховые мастера (амкары) ревностно относились к “чистоте своих рядов”, но в пространство того или иного братства то и дело, вклинивались мастерские людей других специальностей. Прогуливаясь среди рядов башмачников, шубников или чарухчи, можно было встретить кузницы, цирюльни или винные погреба. Некоторый порядок в расположении улиц, конечно, был соблюден, но в целом Армянский базар, особенно стороннему наблюдателю, мог показаться хаотичным нагромождением безобразных строений: духанов, лавок, мастерских (Дюма 1988: 168).

Ремесленные профессии были весьма многочисленны и удовлетворяли самым разнообразным потребностям горожан, которые по любому поводу направлялись на базар и обращались в ремесленные мастерские. Существенной особенностью тифлисского, да и восточного менталитета в целом, являлось то, что здесь, чаще всего, производитель, рекламный агент и продавец выступали в одном лице. Более того, покупатель принимал активное участие не только в покупке, но и в производстве покупаемого товара. Для этого он должен был, хотя бы в общих чертах, разбираться (или делать вид что разбирается) во всех тонкостях производственного процесса, находиться постоянно рядом с ремесленником, в мастерской или у порога, вести неторопливую беседу, мягко направлять его. Безразличие или отстраненность покупателя обижали ремесленника и почти всегда были наказуемы. “Особенность тифлисской туземной торговли... заключается в том, что сапожник не шьет башмаков, башмачник не делает туфель, туфельщик не шьет папахи, а мастер папушник производит одни только папуши. Кроме того, сапожник, выделяющий грузинские сапоги, не шьет черкесских. Почти для каждой части одежды каждого народа существует своя промышленность. Таким образом, если вы хотите заказать шашку, сперва достаньте клинок, заказывайте рукоятку и ножны, покупайте для них кожу или сафьян, наконец, делайте серебряную оправу для рукоятки; и все это отдельно, все у разных торговцев, для чего надо ходить из магазина в магазин. Восток решил великую торговую проблему запрещения посредничества;⁴ без сомнения это дешевле, но эта экономия существует только в стране,

⁴ Эту же особенность восточного менталитета, столь характерную для тифлисского базара подметил С. Гевенян (2006: 153): “Никаких производственных секретов, никаких посредников – сам сотворил, сам и продаю”.

где время не имеет никакой цены. Американец не дожил бы от нетерпения даже до конца первой недели своего пребывания в Тифлисе” (Дюма 1988: 168).

Армянский базар был торжищем в полном смысле этого слова. Здесь можно было приобрести не только промтовары, но и всевозможные продукты питания. Продуктами торговали барышники (перекупщики) и бакалейщики (бакали), которые закупали товар в деревнях или на Татарском майдане у тех же крестьян и продавали вразнос. Концентрация столь многочисленного и разнородного товара, а также продавцов, покупателей и просто зевак в одном месте, порождало невероятный шум, гвалт, который образно описывается Д. Бакрадзе и Н. Бердзеновым: “Продавцы прерывая друг друга кричат, не жалея ни своего горла, ни чужого слуха; тут раздается: *ай яблук, ай виноград, ай персик!* Там: *па – па – па!* *Дошов адам* (дешево отдам), *пожалуй, барин!* *Ай князь, здесь хороши!* Прибавьте к этому оглушающий стук весами при обвешивании на одной и той же чаше, медной или железной, – причем оберточной бумаги не полагается, – и персиков, и сыра, и масла, и изюму. У этих лавок снуют дородные, лоснящиеся, жующие фигуры всякого люда; ибо в течение дня почти все туземное население пребывает на базаре. Рядом с покупателями здесь легко встретить проходящий караван верблюдов и вереницу ослов, навьюченных перекинутыми на обе стороны корзинками с зеленью, виноградом, огурцами и т. п. К вечеру вся эта оглушительная возня унимается... но некоторые из них сальными свечками, вставленными в кучу лобии или изюма продолжают криком зазывать к себе покупателей” (Бакрадзе/Берзенов 1870: 108). Ремесленники, работавшие на виду у прохожих в лавках, внешняя сторона которых была открыта, сотрясали воздух сопровождающими их труд стуком, жужжанием, скрежетом и тут же настойчиво, и даже назойливо, подзывали покупателей, демонстрируя и зычно расхваливая свой товар. Дюма иронично писал, что, если бы какие-либо мастера попытались скрыть секреты своего ремесла, вряд ли им это удалось, ибо публичность жизни исключала сохранение каких-либо секретов, в том числе профессиональных (Дюма 1988: 168). На и без того узких тротуарах базара мальчишки устраивали импровизированные силовые состязания (“*чида оба*”) и азартные игры. А взрослые, по свидетельству современников, могли без стеснения выставить на середину узкого прохода жаровни со съестным или же хозяин лавки, выйдя на проходную часть, мог, облокотившись о лоток преградить собою путь. Над некоторыми лавками устраивались навесы, оборванные края которых свисали так низко, что задевали головы прохожих.

Вообще же, эта часть города была наиболее посещаемой, и не только потому, что сюда спешили за покупками, но и потому, что духаны, трактиры, винные погреба, кофейни и чайные готовы были в любое время обслужить посетителя, предложив ему вкусную и недорогую еду, прекрасное, ароматное вино и пр. Вместе с тем, подобно античной агоре (Куле 2004: 48-77), рынок в средневековом Тифлисе, был основным пространством коммуникации, местом встреч, общественной деятельности и, в конце концов, местом единения.

Во второй половине XIX века верхняя часть базара, располагающаяся ближе к Эриванской площади, была реставрирована на европейский манер, а середина и

нижняя часть его оставалась в неприкосновенности. Так, Головинский проспект, воплощавший новое европейское лицо города, упираясь в Эриванскую площадь, встречался с азиатской частью старого Тифлиса. В связи с этим, Д. Бакрадзе, как всегда, метко подмечает: “Странное впечатление производят на свежий взгляд эти новые постройки, выглядывающие там и сям, на протяжении базара; это яркие заплатки на старом рубище скряги, который может, но не хочет расстаться с ними, чтоб не тревожить своих стародавних привычек и не тратить деньги на заведение приличной одежды” (Бакрадзе/Берзенов 1870: 105 – 106). Таким образом, и во второй половине XIX в., когда Тифлис несколько изменил свой облик и даже обрел реноме “Парижа Кавказа”, внутреннее содержание Армянского базара практически не изменилось. Тифлисский журналист, сотрудник газеты “Кавказ” Н. Дункель-Велинг так описывал уже пореформенный “калакоба”: “...Сойдем с бульвара и углубимся в лабиринт тесных и узких улиц и переулков, окружающих Армянский базар, эту биржу Тифлиса.

Все, что Восток производит лучшего, все это собрано промышленными армянами на их центральном торжище. Здесь вы найдете и оружие горских народов, их сукна, ремни и бурки, единственные произведения скудной промышленности этих детей природы. Рядом с этими грубыми изделиями лежат груды персидских шелковых тканей, узорных ковров и других роскошных тканей Востока. Торг с Европой доставил сюда предметы потребления образованных народов и произведения колоний, обратившихся в необходимость для жителей Тифлиса. Тут, как и везде, вы увидите тесное сближение Азии с Европой и преобладание последней.

Отуманенные еще этою суетливою деятельностью, сопровождающею всегда торговлю гайканского (армянского, Е.М.) народа, ослепленные пестротой товаров, разнообразием лиц и одежд, вы подходите к храму, стоящему среди этого шумного сборища и освящающему собою соединение разноплеменных народов; это Сионский собор, древняя святыня, свидетельница православия грузинской церкви” (Полиевктов/Натадзе 1929).

Воплощением торгового Тифлиса являлись так же *караван-сарай* (гостиные дворы) – один из основных источников доходов богатых мокалаков. Некоторые из караван-сараяв размещались на Армянском базаре и вокруг него. Как сообщает С. Гевенян, на карте 1914 года обозначены каравансарай Тумановых, Манташева, Ходжапарухова, Бебутова, Шадинова, Мирзоева, Зубалова, Хосроева, Читахова, Цовьянова и др. (Гевенян 2006: 155). Это были солидные, двух и трехэтажные здания с большими внутренними дворами, которые способны были принять в свою прохладу целый караван верблюдов с товаром. Во внутреннем дворе можно было укрыться от жары и насладиться прохладой (хотя и с примесью запаха сырости и крысиного помета). В подвальных и подсобных помещениях хранился разнообразный товар. На верхнем этаже помещались жилые комнаты, на среднем – лавки и магазины. Строились караван-сарай основательно, отделке фасада уделялось большое внимание, чего нельзя сказать о внутреннем убранстве. Караван-сарай не всегда были ухоженными, хотя владельцы доходных домов, в меру своих возможностей, старались

поддерживать в своих фундуках чистоту и порядок. Освещение было керосинное, весьма недостаточное.

Нетрудно представить себе усталых и пыльных путников, шедших сюда неделями, а иногда и месяцами по бездорожью. Прибыв на место назначения, они распаковывали запылившийся товар, сортировали и размещали его по складам и подсобным помещениям, поили животных. В лучших из караван-сараев были бассейны, куда вода набиралась самотеком, либо хозяева нанимали тулухчи, которые бочками доставляли воду в бассейны. Ею утоляли жажду верблюды, лошади и ослы, погонщики простирывали в ней свои халаты и халаты своих хозяев, ее же использовали и в других хозяйственных нуждах.

Одним из богатейших караван-сараев города был доходный дом Шадинова. Он размещался у маленького металлического Авлабарского моста. Караван-сарай Шадинова выгодно отличался не только своими размерами, но и месторасположением. Часть здания на сваях возвышалась над самой Курой. Хозяин основал свой доходный дом здесь не случайно. Как известно, мост является тем инженерным сооружением, к которому неизбежно устремляется каждый, кто хочет попасть на другую сторону реки. А тут на пути расположился огромный, полный заманчивых товаров, торговый центр (Маргарян 2011: 5-23). Даже тот, кто не намеревался купить чего-либо, не мог устоять перед видом и запахами соблазнительных фруктов и овощей, восточными сладостями из Персии или модными аксессуарами, ввозившимися в Тифлис из России и Европы.

Вообще караван-сарай на мосту (или просто сдаваемый в аренду доходный дом) вполне мог бы стать символом Тифлиса той поры. Город и вправду был своеобразным мостом, находящимся на перекрестке международных торговых путей и связующим разные страны и континенты.⁵ Самыми известными караван-сараями были, построенный в 1818 году караван-сарай Арцруни, в Оружейном ряду около Сионского собора и наиболее благоустроенный караван-сарай, принадлежавший почетному мокалаку Тамамшеву, возведенный в 1840-х годах на Эриванской площади. В караван-сарая Тамамшева размещалось 130 магазинов и лавок, буфеты, мастерские, склады.⁶ Александр Дюма писал, что только за землю шириной в восемь

⁵ Через Тифлис пролегал торговый путь из Европы в Индию. Тифлис занимал весьма выгодное положение на этом пути. Сначала он шел по Риону, затем следовал через Сурамский перевал на Карталию, Мцхет и Тифлис и далее по Куре до впадения ее в Каспийское море. Французский ученый XVII-XVIII вв. Жозеф Турнефор так описывал торговлю, осуществляемую через Тифлис: "Главная торговля Тифлиса — меха, которые идут отсюда в Персию или через Эрзерум в Константинополь. Местный шелк, а также из Шемахи и Гянджи, не идет через Тифлис ввиду крайне высокой пошлины, которую здесь приходится платить. Армяне закупают его на местах и отправляют его в Смирну и другие гавани на Средиземном море, откуда он идет во Францию. Ежегодно более двух тысяч караванов на верблюдах отправляется из Тифлиса и остальной Грузии в Эрзерум с корнем, который называется *Voia*. Из Эрзерума этот корень идет в Диарбекир, где его употребляют для окраски полотна, которое приготавливается здесь для Польш" (Полиевктов/Натадзе 1929: 12)

⁶ На втором этаже каравансарая, стараниями наместника князя М. С. Воронцова, был размещен небольшой театр.

и длиной в сорок сажен, хозяин этого караван-сарая заплатил восемьдесят тысяч франков. Согласно Дюма, торговый дом Тамамшева представлял собою интересное зрелище. “Через все его ворота входят и выходят с верблюдами, лошадьми и ослами представители всех наций Востока: турки, армяне, персияне, арабы, индийцы, китайцы, калмыки, туркмены, татары, черкесы, грузины, мингрельцы, сибиряки и бог знает кто еще! У каждого свой тип, свой костюм, свое оружие, свой характер, своя физиономия и, особенно, свой головной убор – предмет, который менее всего затрагивают изменения моды. Два здания караван-сарая являются вспомогательными и имеют гораздо меньшее значение; за проживание в этих гостиницах ничего не платится: там живут вместе и сибиряк из Иркутска, и перс из Багдада: все торговые представители восточных народов там составляют один класс, одну общину; хозяева взимают по одному проценту с товаров, сложенных в магазины, в случае продажи. К этим базарам сходится сеть торговых улиц, совершенно отделенных от аристократической части города” (Дюма 1988: 168).

Арендаторы караван-сарая, в основном представители торгового сословия, использовали помещения по своему усмотрению: это были и торговые лавки, и склады продовольствия и мастерские ремесленников, где можно было работать и в зимнее время, обогревая помещение мангалами. Для богатых купцов в караван-сараях были роскошно обставленные комнаты, убранные персидскими коврами. Здесь решались торговые вопросы, обсуждалась конъюнктура рынка и пр. В 1864 г. в Тифлисе насчитывалось четырнадцать караван-сарая. Однако, со временем они потеряли прежнее значение и число их резко сократилось.

Вообще, многие путешественники, побывавшие на восточном базаре, несмотря на антисанитарию, были приятно удивлены особым духом, царившим здесь. Атмосфера восточного рынка была великолепно передана поэтом Осипом Мандельштамом, оставившим свои описания от первой поездки в Грузию в августе 1920 г.: “Самое приятное в торговом Батуме – это именно торговые дома. В них есть благообразие и культура, которых нет в скороспелых итальянских и прочих европейских торговых фирмах, где царствует суэта и нехороший хищный дух. Есть один пункт, где торговля Востока не чета европейской – именно: торговля не только аппарат распределения, но социальное явление, и в привычках торгующего Востока чувствуешь уважение к человеку, которого нельзя просто обобрать и с кашей съесть” (Нерлер 2005). Сказанное, в не меньшей степени может быть отнесено к любому из тифлиских караван-сарая.

Одним из колоритнейших мест Тифлиса, жившего по своим, веками выработанным, законам и обычаям, был Татарский Майдан – второй по значимости центр торговой жизни Тифлиса. В отличие от Армянского базара, где доминировали армяне, Майдан был в этническом отношении более разношерстным.⁷ Другим отличием

⁷ Необыкновенно тонко и живописно суть майдана передала коренная тифлиска Изабелла Урекян, еще заставшая подлинный Майдан, ныне ставший лишь частью истории старого города: “...Майдан – это, прежде всего разноязычная толпа на пятачке площади, заполняющая и узкие проходы в соседних закоулочках-переулочках. Рядом с вонючими лужами, над которыми висят только что

его от Армянского базара было то, что здесь торговали всякой всячиной или, как тогда говорилось, занимались “мелочной торговлей”. Татарский Майдан был гораздо меньше и теснее (на самом деле, это был всего лишь небольшой пятачок земли, куда сходились улицы и переулки от Авлабара, Банных ворот, Старого города, Навтлуги и Гаретубани). Невысокие, громоздящиеся друг над другом и теснящие друг дружку двухэтажные дома “нависали” над, и без того небольшим круглым пятачком земли (“майдан”, “мейдан” – площадь округлой формы). Нетрудно представить, как сложно было торговцу, в особенности приезжему крестьянину, даже на один день занять здесь удобное для торговли место. По-видимому, так же не просто приходилось и посетителям: с одной стороны, их внимание настойчиво привлекали торговцы, во всю глотку расхваливавшие свой товар и наперебой зазывавшие клиентов, с другой – было крайне трудно протиснуться в снующей толпе. Кроме того, если на Армянском базаре расположение тех или иных мастерских, торговых рядов и самого товара поддавалось хоть какой-то логике, то здесь наспех сколоченные из подручного материала лавки теснились совершенно бессистемно и хаотично. Если на Армянском базаре, особенно в ремесленных рядах, поддерживалась относительная чистота, то здесь это мало волновало продавцов, большинству из которых нужно было побыстрее продать товар и пуститься в путь (иначе пришлось бы платить за постой в караван-сараях или спать под открытым небом). Может поэтому им приходилось с особой настойчивостью, если не сказать назойливостью зазывать покупателей, не щадя своего горла и ушей окружающих.⁸

освежавные бараны, рядом с лужей крови с них стекающей, на засыпанных солью и специями больших пнях мелко рубят ножами баранину для люля-кебаба, обильно осыпая куски парного мяса перцем и барбарисом. Здесь торгуют всем. И повсюду снуют мальчишки. Тут я увидела и медников, и жестянщиков, и парикмахеров, бредущих своих клиентов под открытым небом. Здесь же закипают кофейники с длинными носами. Рядом с ними продают разноцветные шерстяные носки. Неподалеку расположились персы из Ирана со своим разнообразным рисом, очищенными солеными ядрышками абрикосовых косточек и горочками разноцветных сухих фруктов, полупрозрачных, сладких и ароматных. Неподалеку расположились гордые кабардинцы со своей чеканкой, здесь же можно было встретить и кубанцев, армян, грузин, осетин, греков и азербайджанцев. Всё, чем каждый из них торговал, лежало на земле в больших деревянных плоских бадейках. Чем только там не пахло (а порой воняло!) Боже мой! ... на майдане лудили огромные котлы, и ноги лудильщиков (всегда лезгинов!) топорщились в громадных черных чувыках...” (И.А. Уркелян, *О Тифлисе (из письма к внучке Тане)*, <http://www.mecenat-and-world.ru/aragast/3-aragast/uraklyan.htm> (дата обращения 28.11.2019)).

⁸ Вообще надо сказать, что в отличие от коробейников и лоточников, которые разгуливали по рынку и были вынуждены зазывать покупателей, лавочники были более сдержанны. Вот как описывает эту ситуацию А. Дюма: “В отличие от бродячих торговцев, униженно предлагающих свои товары, лавочники, чем бы они ни торговали, важно сидят и ожидают покупателей, нисколько не заботясь о том, чтобы привлечь или удержать их. – “Вот мой товар, возьмите его, заплатите за него и берите, если он вам нравится; в противном случае проходите мимо, я могу совершенно обойтись без вас, и если я открываю лавку на улице, то это для того, чтобы побыть на воздухе и солнце и спокойно курить свою трубку, разглядывая прохожих”. Хотя вслух эти мысли и не высказываются, но они слово в слово написаны на их физиономиях”. (Дюма 1988: 147). Удивительно, но и сегодня в Грузии, в частности в Тбилиси нравы почти не изменились. В условиях рыночных отношений хозяева небольших магазинов, а также продавцы ведут себя крайне независимо и не суетятся, когда в магазин заходит клиент.

Как известно, чистоту наводить на Армянском базаре входило в обязанности учеников ремесленников или метельщиков-езидов, которых ранним утром можно было встретить здесь. Их, за небольшую плату, вскладчину или поодиночке нанимали владельцы рядов. Такая забота о чистоте и порядке своего постоянного рабочего места была естественной, так как для большинства из торговцев и ремесленников базар был вторым, а иной раз первым домом. Каждый из них, перефразируя известную фразу, мог сказать: “Мой духан – мой дом”. Вне базара они проводили только праздники, да и то праздновали не поодиночке, в кругу семьи, а чаще всего со своими сотоварищами по ремеслу.

На Татарском майдане жизнь и торговля носили более хаотичный, неорганизованный характер. Здесь продавали всякую всячину, без разбора: можно было купить платье, чуваки, головной убор на любой вкус, керосиновую лампу, полный комплект оружия, недорогие украшения, посуду, ковры, паласы и всевозможные продукты из окрестностей Тифлиса, а иногда из отдаленных уездов Тифлисской и Елизаветпольской губерний. Европейцы, попавшие в Тифлис и бродившие по тесным изгибам базаров или под темными сводами караван-сараев и еще не успевшие почувствовать и понять азиатский город, бывали ошеломлены выставленной напоказ народной жизнью: “...всякий ремесленник, в открытой лавке, занимается спокойно своим ремеслом, не обращая внимания на мимо текущую толпу и на караваны верблюдов и лошаков, вьюками своими задевающими за его лавку” (*Грузия и Армения* 1848: 11).

Кроме того, на Майдане продавали всякую живность. Грузия славилась своими охотничьими угодьями, и охотники со всей страны свозили сюда всевозможную дичь (фазанов, турачей, джейранов, диких коз, баранов). Их доставляли из Сванетии или Хевсурии и сдавали розничным торговцам, которые, в свою очередь, сбывали ее хозяевам дорогих и не очень дорогих ресторанов и духанов, личным поварам русских вельможных чиновников, представителям грузинской знати и армянским богатеям. Здесь же можно было встретить рыбные ряды. Рыболовство, игравшее значительную роль в хозяйстве города, являлось одной из подсобных отраслей хозяйства. В Грузии рыболовством промышляли многие: как горожане, так и казенные крестьяне. Самая популярная у тифлисцев рыба *храмули* вылавливалась в реке Храми, протекавшей в Борчалинской области, но основная масса потребляемой рыбы, как и сегодня, доставлялась из Бакинской и Елизаветпольской губерний. В рыбных рядах царило изобилие. Здесь можно было встретить самые разнообразные сорта рыбы: дорогих осетров, балык, красную рыбу и недорогую рыбешку, доступную всем слоям населения города. Здесь же ее свеживали, жарили и парили на вкус посетителей майдана.

Вместе с тем, Майдан был своеобразной биржей труда. Ранним утром, еще затемно, рынок “открывали” сезонные рабочие и поденщики, нанимавшиеся на строительные и другие работы, следом подтягивался деревенский люд с ослами, навьюченными корзинами с зеленью, фруктами, овощами, вслед за ними на арбах, запряженных буйволами, ввозились бруски соли, мешки с рисом, сыром и прочим съестным това-

ром.⁹ Ранним утром в этой толчее можно было встретить плотно сбитого армянского базаза (торговец мануфактурой), который шел, заткнув руки за дорогой пояс, придерживая толстыми, цепкими пальцами туго набитый кошель, который у него не смог бы срезать даже самый ловкий карманник. Впереди него с корзиной шел его слуга, либо же самый расторопный из его учеников или подмастерьев. Тот бесцеремонно расталкивал снующую толпу, расчищая путь дородному телу своего хозяина. Купца встречали громкими приветствиями и предлагали ему самые качественные продукты. Не поворачивая головы, из-под полуприкрытых тяжелых век базаз тем не менее все подмечал и безошибочно останавливался у нужного лотка. Выбрав товар самой первой свежести, он расплачивался не торопясь, вынимая из кошелька деньги, как бы нехотя расставаясь с каждой монетой. Хозяин лавки раскланивался, провожая уважаемого покупателя. Позже за покупками приходили слуги русских чиновников и грузинской знати. Оставшиеся висеть после полудня тушки гнили в горячем воздухе, и на мух, облепивших их, ленивые помахивания веточкой татарина-продавца не производили никакого впечатления. Нетрудно догадаться, что к концу дня, особенно в жаркое время года, на Майдане стояло невыносимое зловоние, и только оно могло прогнать людей в более прохладные места. Селяне уезжали к себе домой, а горожане устремлялись к Куре или другим водным источникам.

В Тифлисе были и другие рынки, своего рода торговые центры, которые так же играли важную роль в экономической жизни города. Впрочем, на базарах совершались не только всевозможные торговые операции, базары были также общественными и культурными центрами города. Здесь можно было встретить произведения искусства местных и приезжих умельцев (ковры, музыкальные инструменты, серебряные, золотые изделия и пр.) Особое место в жизни города и тифлисцев занимали яркие, колоритные вывески, изготавливаемые местными художниками-самоучками.¹⁰

Несмотря на толчею и гвалт, царившие на тифлисских рынках, жители и гости города стремились именно сюда, в самую престижную и прибыльную часть города, где можно было не только продать или отовариться, но на и людей посмотреть, себя показать, узнать новости, посплетничать, найти сваху, извозчика, работу или работника (в конце XIX века один из рынков стал называться модным тогда словечком *биржа*). К примеру, на базаре с утра можно было встретить *мушей* – людей нанимавшихся для переноски тяжестей, которые, иной раз, будучи выходцами

⁹ “Из Шоргилы, Марнеули, Дарнаки привозили купцы муку и зерно; из Караяз и Адаши – рис и арбузы; из Шхлои, Карабаха и Ламбалу – сыр, шерсть, сливочное и топленое масло; из Хамамлы, Кульфы, Агзевана и Борчало - яйца, соль, овощи; из Закатал – груши; из Душети пригоняли овец... Мерно ступают верблюды, малиновым чистым звоном звенят колокольцы на их узелках, пронзительно кричат погонщики, скрипят арбы, перекрытые мохнатыми коврами, мычат буйволы. Шумно и тесно у Гянджинских ворот, суетятся муши (таскальщики), сгружают товары. И чего только нет в огромных тюках: кожа, парча и атлас, кашемировые шали, шелка, пряности – богатства земли грузинской, армянской, персидской, турецкой, индийской. В караван-сараях дорожают постой и ночлеги” (Гришашвили 1977: 11).

¹⁰ Как известно, с вывесок начал свой творческий путь Пиросмани.

из одного села (чаще это были грузины) (см.: Анчабадзе/Волкова 1990: 65), составляли своеобразные товарищества, во главе которых стояли люди, пользовавшиеся наибольшим авторитетом в этой среде. Каждый вечер зарабатываемая сумма денег отдавалась ему, а тот делил ее поровну между всеми. Инструментами мушей были две-три веревки, широкий кожаный ремень и набитая сеном подушка *куртани* (еще в 70-80-х годах прошлого столетия в Тбилиси можно было нанять грузчика, который в состоянии был один поднять на пятый этаж холодильник, шкаф и даже пианино). Тут же, на базаре можно было нанять пилельщиков, занимавшихся распилкой дров. Они весьма недурно зарабатывали, если удавалось найти клиента, а где его можно было найти если не здесь, на базаре.

Особую прослойку среди торговцев составляли *кинто* (*барышники, скупавшие товар у сельчан и сбывавшие его по повышенным ценам*). Они носили черный архалук или ситцевую, в белый горошек, рубаху с высоким, почти никогда не застегнутым воротником, подпоясывались узким наборным ремешком (иногда с серебряной инкрустацией), носили широкие сатиновые шаровары, заправленные в носки или сапоги “гармошкой”, московский картуз, лихо заломленный набок (иногда со специально сломанным козырьком). Как правило, картуз был на пару размеров меньше размера головы и, тем не менее, невероятным образом удерживался на макушке, а то и на затылке, даже тогда, когда подвыпивший хозяин делал резкие телодвижения или мотал головой. Из нагрудного кармана кинто выпирали часы на длинной цепочке. Чоху кинто не носили вообще. Несмотря на то, что некоторые из них были владельцами небольших продуктовых лавок или духанов, главный доход им приносила торговля в разнос продуктами питания. Эти ловкие на руку, словоохотливые и остроумные коробейники часто надували покупателей, однако доставка товара на дом все же привлекала богатых мокалаков (правда кинто побаиваясь жульничать с мужчинами, особенно с карачохели, ненароком можно было схлопотать по шапке). Кинто были преимущественно армянами, реже грузинами или езидами. Но городская жизнь стирала национальные черты, это была совершенно особая прослойка мужчин с характерным наречием, стилем одежды и поведения. Кинто был порождением Тифлиса, его детищем со своими достоинствами и недостатками, горожане же любили его, прощая ему мелкие грешки и мифологизируя их достоинства. Он был одним из главных героев тифлисского городского фольклора, и ни одно народное гулянье, потасовка или иное событие, собравшее толпу зевак, не обходилось без кинто, который вырастал как из-под земли и устраивал “*тамашу*”, импровизированное театральное действие, призванное развлечь публику и покрасоваться перед дамами. Тифлисы любили подолгу наблюдать за тем, как кинто подтрунивает над каким-нибудь деревенским увальнем, привезшим в город на продажу бочку кахетинского вина или топленое масло. Это было захватывающее театрализованное действие (хотя, наверняка, были и домашние заготовки), о котором, затем, могли вспоминать неделями. Характерные примеры подобного городского фольклора являют в своих пьесах Г. Сундукян, А. Цагарели и др. авторы. Яркие образчики колоритного майдановского языка приводит Николай Вержбицкий: “...мы

спустились по ломкой тропинке к рынку на Майдане. Здесь со всех сторон раздавались голоса продавцов:

– Мадам!.. Душка!.. Сестра!.. Вернись!.. Послушай, что я тебе скажу: ты думаешь, это – сыр? Нет, это не сыр, это – песня! Клянусь богом! Такой сыр ест сам председатель совнаркома!.. Попробуй, дорогая, покушай, не стесняйся, – будешь танцевать от удовольствия!

– Живой сазан! Совсем живой сазан! Посмотри – смеется на тебя, зачем ты его не купишь?

– Даром! Даром отдаю! Пусть я буду бедный, пусть ты будешь богатый! Бери товар, плати деньги! О чем задумался, генацвале? Что – у тебя скорпион в кармане – боишься туда руку сунуть?!

– Вы говорите: тухлые яйца?! Вва-х! Как мне хочется вас зарезать, так мне нужно, чтобы вы кушали тухлые яйца!

– Я тебе по-человечески говорю: ни одной копейки меньше! Клянусь моим солнцем – я сам купил два абаза фунт! Чтоб душа моего отца попала в ад, чтобы Бог оскрамил мою семью, если я тебя обманываю!..” (Вержбицкий 1964: 54). За подобный артистизм и своеобразный юмор кинто прощалось любое жульничество.

Другим героем городского фольклора были так называемые *карачохели* – своего рода “рыцари” базара (см. Гришашвили 1977: 13). Карачохели означает “облаченный в черную чоху”. В городском фольклоре Тифлиса также сформировался его устойчивый образ. Это, как правило, мужчина средних лет, крупного телосложения. Непременным атрибутом карачохели была густая борода, подстриженная наискосок, усы – закрученные на концах. Одевались они опрятно: носили просторные брюки с алым кушаком в складках, разрисованный тончайшим орнаментом серебряный пояс с бляхами, покрытыми чернью и сканью, атласный архалук, огромный шелковый платок, закинутый за плечи и еще, в чем главное внешнее отличие карачохели от кинто, он был всегда облачен в черную шерстяную чоху (непреренно узкую в плечах и без пуговиц, чтобы была видна бахрама архалучного пояса). На голове наш герой носил островерхую меховую папаху, реже войлочную или барашковую шапку “перцем”, обут был в десятивершковые сапоги в складку, а пальцы были украшены тяжелыми золотыми перстнями. Карачохели тоже торговец, но какой-то “странный”. Он не многословен как кинто, не любит торговаться; уступает быстро, без сожаления и, что самое главное, он не фальшивит. Таков его образ мыслей и чувств. Он искренен, не выносит обмана и непорядочности, поэтому вспыльчив и требователен не только к себе, но и к окружающим. Его слово – слово мужчины, он не юлит, не заискивает, а значит, верит людям. К счастью этот тип городского человека еще не стал легендой; их хоть все реже, но можно встретить на улицах и в духанах Тифлиса. Чаще всего карачохели были грузины, но, как и кинто, они, прежде всего, являются порождением Тифлиса, “...он тбилисец, в котором перемешалась кровь народов, многих и многих, и, если ты станешь его убеждать в какой-либо национальной, расовой или религиозной принадлежности, – он недоуменно пожмет плечами, и только. Он – Тбилисец” (Гришашвили 1977: 14). Прекрас-

ным воплощением этого образа стал сундукьяновский Пепо – благородный герой, невольник чести, для которого *тасиб* (мужское достоинство) превыше богатства. А вот его друг, очень симпатичный персонаж Дарчи – типичный кинто.

Однако, рыцарство карачохели проявлялось не только и не столько в торговле, где, по сути, они отличались подчеркнутой галантностью, обходительностью в общении с женщинами (кстати, в отличие от кинто, нередко выбиравших в “жертвы” своего жульничества представительниц прекрасного пола), сколько в излюбленных ими кулачных боях, так называемых *криви* (арм. կռիվ). Устраивались они в пустынных окраинных местах города. Кстати, всевозможные бои всегда были излюбленным развлечением тифлисцев. Ни один праздник не обходился без боев петухов, баранов и даже верблюдов. Иной раз между владельцами животных вспыхивали ссоры и даже драки, но чаще все заканчивалось по-тифлисски – обильным застольем с искрящимся вином, с песнями и клятвенными уверениями в дружбе. В целом, подобные бои носили зрелищный, развлекательный характер, чего не скажешь о криви. Здесь на кону были мужская честь и отвага. Бой становился своеобразной инициацией мужчины, одним из способов самоутверждения. При каждом удобном случае вновь и вновь вступая в бой, карачохели демонстрировал другим, а в большей степени самому себе, доблесть, на которую он способен даже в достаточно зрелом возрасте. В криви участвовали два бойца, которые, сближаясь, били друг друга поочередно.¹¹ Прожженные в боях карачохели любили показать своеобразный “мастер класс” – покрасоваться перед публикой. Для этого они заворачивали кулачище в подол чохи и отбивались от противника, ни разу не ударив его. Такие бои часто носили характер дуэли, в которой оскорбленный карачохели, вместо перчатки выбрасывал вперед правую руку, а левую засовывал за пояс, тем самым, демонстрируя свое физическое и моральное превосходство над противником. Такая дуэль называлась *хридоли*, по сути все тот же Божий суд. Существовали давно выработанные правила ведения боя, поэтому, нарушившего их ожидало лишение прав для участия в бое и осуждение окружающих. А трофеи, добытые в бою (иногда на кон ставились пояса, инкрустированные серебром, кинжалы, шашки, ружья) становились законной собственностью победителя.¹²

На тифлисские рынки, кроме торговцев и покупателей, сходились и те, кто любил сорвать куш сразу – карманники и воры, о “высоком искусстве” которых, и по сей день, ходят легенды. Как известно, базар есть “клондайк” для “щипача”. Люди бродят здесь меж рядов, сосредоточившись на поиске нужного товара, и не обращают внимания на толкотню. Завидев зазевавшуюся жертву, в толпу втискивается “мастер”, в сопровождении “группы поддержки”. Опытный вор почти всегда знал, где и у

¹¹ “Говорят, у царя Ираклия были свои фавориты палаванов (богатырей), и он с царицей непременно жаловал на криви и следил за боем своих любимцев. А царские богатыри размахивали кулаками величиной с баранью голову, каждый удар в грудь противника эхом отдавался в горах...” (Гришашвили 1977: 22).

¹² Сравни с поединком Сиаоша Бараташвили и Байндур Туманишвили, описанного в “Истории Грузии” Парсадана Горгиджанидзе (Маргарян 2017-2018: 205-214).

кого можно стянуть кошелек. К примеру, “щипать” высокопоставленного русского чиновника не стоило, себе же дороже. Воровать на Армянском базаре, среди ремесленников, которые знали почти всех убанских воров в лицо, тоже не стоило, могли забить насмерть. Чаще “стригли” иностранцев, которые не имели местных покровителей,¹³ крестьян и просто зевак. Выслеживали жертву долго, ждали, пока труженик продаст весь товар, спрячет поглубже выручку, а потом попросту грабили несчастного. Иногда с жертвой предварительно заводили знакомство, спаивали, а уже затем обирали. Тифлиссские воры и карманники, подобно ремесленникам, объединялись в артели, своеобразные амкарства. У них были свои места для сходок, чаще всего – духаны, где кстати строго воспрещалось воровать, но можно было покуролесить. Здесь, за стаканом вина, можно было обменяться опытом (многие из них действительно были виртуозами своего дела), потравить байки, рассказать реальные события из своей практики. Кутили за счет “общака”, который находился в руках самого “честного” вора. Тот распоряжался воровским имуществом, но вместе с тем, был подотчетен “совету”. Сходки были большие и малые. В последних участвовали наиболее “уважаемые”, “маститые” воры – “аксакалы”. “Обшак” – это своеобразная касса взаимопомощи, откуда платились “налоги” городским и судьям, выкупались попавшие в беду товарищи по ремеслу и т. д. Воры – карманники тоже порождение большого города (в небольшом селении им не развернуться).

Кроме городских воров, были и воры вне города, “вне закона” – это маргиналы, антисоциальные элементы; конные, вооруженные *качахи* (от тюркского “казах”, “казак”), промышляющие на больших дорогах. Эти робингуды были не раз воспеты классиками грузинской литературы и кинематографа. Качахи не признавали городских властей и городской образ жизни. По сути, этот криминальный элемент – пережиток феодального прошлого Грузии, не случайно горские бароны приписывали себе (хотя почти всегда необоснованно) знатное происхождение. Типичным примером благородного качаха является Дата Туташхия – грузинский Зорро, архетипический герой, рыцарь без страха и упрека. Качахи не платили ежемесячный “бакшиш” полиции, не договаривались с властьпридержащими и не возвращали украденного за выкуп. Важной отличительной особенностью качахов было то, что в отличие от городских социализированных воров, они были вооружены и очень опасны. Не случайно, борьба с ними велась жесточайшая. Если городские воры могли, заплатив полиции бакшиш избежать уголовного наказания или на худой конец, отсидев в тюрьме небольшой срок, выйти на свободу и возобновить свою деятельность, то

¹³ Иностранцы купцы и гости, прибывавшие в Тифлис, были самой вожделенной добычей для воров. Но чаще всего они понимали, что торговать здесь, не имея местного покровителя, очень опасно. Если приезжего купца обворовывали, он обращался либо к высокопоставленному лицу, либо к местному, дабу, авторитету в криминальном мире – главе воровской шайки, с просьбой о возврате утраченного товара или денег. Покровитель добивался возврата, украденного с условием, что купец заплатит одну треть от общей стоимости товара, т. е. несчастный выкупал свой же, нередко попорченный, товар. Кстати, до недавнего времени этот неписанный закон практиковался в Тбилиси в среде торговцев, хозяев больших и малых магазинов...

качахов русские власти истребляли беспощадно, устраивая на них облавы как на волков. Те же с отчаянием обреченных сопротивлялись до последнего.

Не в пример качахам, воры, будучи городскими жителями, жили по своим, городским воровским законам, так называемым “понятиям”. Сами они прекрасно были интегрированы в городскую жизнь и несмотря на свою формальную нелегитимность, часто, были весьма уважаемыми членами городского сообщества.¹⁴ В отличие от качахов, городские (убанские)¹⁵ воры отнюдь не были маргиналами, не носили огнестрельного оружия, лишь прятали за поясом или сапогом предметы, которые при необходимости, могли быть использованы как холодное оружие – ножи и пилки (опасная бритва), которые однако чаще использовались для того чтобы срезать сумочку, открыть щеколду окна или просто почистить персик. Запретить ношение такого профессионального инструмента было просто невозможно. Убанские воры были частью базара, который, в свою очередь, был главной составной частью города и “деятельность” их напрямую зависела от товароденежных отношений, которыми руководствовался базар. Благодаря социализированности и интегрированности в городскую жизнь убанских воров, в Тифлисе не было банд хулиганов и банд беспредельщиков по типу знаменитых питерских банд,¹⁶ хотя иногда встречались хулиганы одиночки – *авара*. Такое положение вполне устраивало власти, которые стремились не ликвидировать, а контролировать воровской мир, а тот в свою очередь ограждал городское пространство от асоциальных элементов и, вдобавок, приплачивал стражам закона за выполняемую ими грязную и непрестижную работу.

¹⁴ Городской фольклор их также романтизировал и даже героизировал.

¹⁵ Убан (син. *махалля, тух*) означает квартал, в более широком смысле – двор, улица как социальное пространство. Убан это мир, живущий по своим законам и правилам, имеющий свой кодекс чести и свою мораль.

¹⁶ “Что такое хулиган? Извольте, объясню вам. Ведь вы там, наверху, ничего не знаете. Поймаете новое слово, и пошли трепать его при всяком удобном и неудобном случае. Вот так, я помню, было со словом „интеллигент”. Ко всякому, кто носил пиджак и галстук, применяли этот термин. То же самое теперь происходит со словом „хулиган”. По вашим понятиям и вор, и демонстрант, и безработный – все хулиганы. Ошибаетесь: хулиган совсем не то. Это совершенно новый тип, народившийся недавно и размножающийся с быстротой микроба [...] Когда человек с заранее обдуманном намерением нападает на вас и грабит, или, когда человек ради известной цели произведет дебош на улице, в церкви или в ресторане, то знайте, что это – не хулиган. Такого человека можно назвать преступником, потому что в нем живет злая доля, он одержим известными желаниями. Ну, а у хулигана ничего подобного и в помине нет. Хулиган – человек безыдейный. Он ничего не хочет, ни к чему не стремится и в действиях своих не отдает себе никакого отчета. Хулиганы – это люди, потерявшие всякий вкус к жизни. Понимаете. Полнейшая апатия. – Однако они же действуют, – заметил я. – Бессознательно. Хулиган – инстинктивный анархист. Он разрушает ради разрушения, а не во имя определенной и заранее обдуманной цели. Нет, вы подумайте только, какой это ужас, когда теряют вкус к жизни. Попробуйте испугать человека, когда он ничего не боится, ничем не дорожит и ничего не желает. Ведь это духовные самоубийцы!” (см. Свирский 1914: 250–277).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анчабадзе Ю. Д./Волкова Н. Г. (1990), *Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке*, Москва.
- Бакрадзе Д./Берзенов Н. (1870), *Тифлис в историческом и этнографическом отношениях*, СПб.
- Бродель Ф. (1988), *Материальная цивилизация, экономика и капитализм*, т. 2. *Игры обмена*, Москва.
- Вержбицкий Н. (1964), “Встречи с Есениным. Воспоминания”, *Заря Востока*, Тбилиси.
- Гевенян С. (2006), *Мой Тифлис*, Ереван.
- Гришашвили И. Г. (1977), *Литературная богема старого Тбилиси*, Тбилиси.
- Грузия и Армения*, часть III, (1848), СПб.
- Дюма А. (1988), *Кавказ*, Тбилиси.
- Куле К. (2004), “СМИ в древней Греции. Сочинения, речи, разыскания, путешествия”, *Новое литературное обозрение*. Москва: 48-77.
- Маргарян Е. Г. (2011), “Семантика моста в армянской и славянской мифопоэтической традиции”, *Критика и семиотика*, вып. 15, Институт филологии Сибирского отделения РАН, Новосибирский госуниверситет/РГГУ, Новосибирск–Москва: 5-24.
- (2017-2018), “Традиционное (обычное) право в средневековом Тифлисе. На основе описания божьего суда в “Истории Грузии” Парсадана Горгиджанидзе”, *Caucaso-Caspica: Труды Института востоковедения РАН*, Ереван, том II-III: 205-214.
- Нерлер П. (2005), “Мне Тифлис горбатый снится... Осип Манделштам и Грузия”, *Заметки по еврейской истории*, №12 (61).
- Свирский А. (1914), *Петербургские хулиганы. Петербург и его жизнь*, сборник статей под ред. В.А. Поссе, СПб.
- Аճափյան Н. (1979), *Hayeren armatakan baġaran*, 4 hator, Erevan.